

Такова была социально-политическая обстановка, в которой складывались взгляды величайшего из английских утопистов Роберта Оуэна.

Оуэн родился в мелкобуржуазной семье в 1771 г. и с десятилетнего возраста начал самостоятельно зарабатывать средства к существованию в качестве приказчика в небольшом торговом предприятии. В условиях промышленного переворота он быстро выдвинулся, проявил большие организаторские способности и к двадцати годам был уже директором текстильной фабрики. В 1800 г. Оуэн получил в свои руки управление большим фабричным предприятием в Нью-Ленарке (в Шотландии). Деятельность в Нью-Ленарке дала Оуэну широкую известность. Новых капиталистов, поднявшихся во время промышленной революции, Оуэн характеризовал впоследствии как самых бессовестных и невежественных представителей английского общества. На этом фоне Оуэн резко выделялся как фабрикант-филантроп. Он поставил себе, по его собственным словам, задачу «открыть способы, посредством которых можно было бы улучшить условия жизни бедных и рабочих классов с пользой для предпринимателей».¹

Для достижения этой утопической цели он провел ряд мер, устранявших наиболее

¹ Дальнейшее развитие плана, содержащегося в Докладе Комитету Ассоциации..., стр. 111. Все сноски, кроме сносок, относящихся к журналу «Crisis», даются по настоящему изданию.

вопиющие недостатки в условиях труда и быта рабочих: улучшил снабжение рабочих продуктами потребления; создал образцовую школу для детей, ясли, детский сад, больницу; новую кассу; наконец, сократил рабочий день до $10\frac{3}{4}$ часов, что было совершенно необычайно для Англии того периода. Слава об образцовом промышленном предприятии Оуэна широко распространилась; об успехах «эксперимента» в Нью-Ленарке начали говорить не только в Англии, но и на континенте.

При всей широте филантропических мероприятий Оуэна их результаты его не удовлетворяли. Его начинания не находили отклика у других предпринимателей, им не сочувствовали даже его компаньоны, хотя нью-ленаркская фабрика, несмотря на опыты Оуэна, давала отнюдь не меньший доход, чем другие аналогичные предприятия. В 1815 г. Оуэн вступил на более широкое поприще, выдвинув идею «гуманного фабричного законодательства». Проект Оуэна даже в его первоначальной редакции был очень скромен. Он требовал запрещения детского труда до 12-летнего возраста и установления для возраста от 12 до 18 лет максимального рабочего дня в 12 часов, включая $1\frac{1}{2}$ -часовой перерыв. Лишь четыре года спустя, в 1819 г., после длительного сопротивления предпринимателей, закон о детском труде был принят парламентом в значительно ослабленном виде.

В 1817 г. Оуэн принял горячее участие в обсуждении вопроса о безработице и мерах

борьбы с нею. В составленном им в связи с этим докладе он противопоставил всевозможным паллиативам утопический план «радикального» устранения безработицы без разрушения основ существующего строя путем организации трудовых поселков или трудовых коммун. Этот способ борьбы с безработицей будет выгоден, утверждал Оуэн, не только для безработных, он будет также выгоден для правительства и господствующих классов. Для организации поселка необходимо затратить, по вычислению Оуэна, 80 фунтов стерлингов на каждого безработного. Паупер, писал Оуэн, обходится обществу при существующей системе гораздо дороже, причем деньги затрачиваются на него без всякой пользы для него и для общества. В поселке он сумеет содержать себя, воспитывать своих детей и даже вернуть впоследствии обществу вложенный при создании поселка капитал.

В докладе 1817 г. Оуэн пропагандирует идею трудовой коммуны как способа ликвидировать безработицу. Но эта идея незаметно вырастает в его сознании в план перестройки всего общества на новых началах. Для него устройство коммуны — устройство, вообще соответствующее человеческой природе. В письмах в лондонские газеты, последовавших за докладом, он уже делает из этого положения и практические выводы. Он говорит о коммунах как о «новой общественной системе». Он признает, что коммуны, ор-

ганизованные в значительном числе, станут опасны для существующего порядка. Но если общество поймет свои истинные интересы, то оно должно будет содействовать замене старых, вредных учреждений новыми. План обеспечивает, по словам Оуэна, «благополучие всего человечества».² Таким образом, уже в 1817 г. в произведениях Оуэна намечаются основные положения его идеальной общественной системы. Свой законченный вид она получила в 1820 г.

Пропаганда Оуэна объединила вокруг него довольно значительную группу сторонников из среды радикальной интеллигенции и квалифицированных рабочих. Но это было не то, на что он рассчитывал, провозглашая свою «новую систему». Человеку с его практическим складом ума нужны были практические успехи. Чтобы доказать практическую осуществимость своих идей на примере, Оуэн решил организовать показательную коммуну. В 1824 г. он отправился с этой целью в Америку, где им и его сторонниками была создана коммунистическая колония «New Harmony». Значительная часть состояния ушла у Оуэна на этот опыт. Как и другие попытки организовать коммунистическую ячейку в недрах капиталистического мира, эта попытка кончилась полной неудачей. Через 4 года, в 1829 г., Оуэн возвратился в Англию.

² Дальнейшее развитие плана..., стр. 125—128, 131—132.

За двенадцать лет, протекших с начала оуэновской пропаганды «новой общественной системы», в Англии произошли значительные перемены. Английская промышленность пережила период подъема. Вырос удельный вес промышленного капитала. Старая система господства землевладельчески-торговой олигархии начала давать трещины. В политической жизни страны это сказалось поворотом к либерализму. Для рабочего класса этот период принес отмену законов, воспрепятствовавших коалиции, и смягчение правительственного террора. Профессиональные союзы рабочих получили возможность легального существования. В этот же период возникло рабочее кооперативное движение, в известной мере связанное с оуэновской пропагандой, но получившее в дальнейшем самостоятельное развитие.

Вернувшись на родину почти шестидесятилетним стариком, пережив ряд тяжелых неудач, Оуэн отнюдь не склонен был сложить оружие. После краткого периода ориентировки в новых условиях, он с юношеской энергией вновь берется за пропаганду. На этот раз он ищет опору для борьбы за свои цели в новых формах рабочего движения. Он принимает деятельное участие в просветительных и кооперативных организациях, находившихся с самого своего возникновения под известным влиянием его идей, издает с 1832 г. журнал «Кризис», посвященный пропаганде идей кооперации и меновых базаров, которые должны по его плану освободить трудящихся от по-

средничества торговцев. В 1833—1834 гг. он ведет агитацию за объединение рабочих организаций в единый национальный союз. Не довольствуясь устной и письменной агитацией, он сам принимает непосредственное участие в организации меновых базаров и «Союза производства» и борется в них за свои идеи.

И кооперативы, и меновые базары были для Оуэна интересны в первую очередь как возможные пути движения к его общественному идеалу. Поэтому, почувствовав, что реальное движение не совпадает с его планами, Оуэн после 1834 г. отошел от него, чтобы вновь возвратиться к непосредственной пропаганде идеи всеобщего мирного социального преобразования. С 1834 по 1858 г.— с 63 до 87 лет — Оуэн издавал ряд журналов, выпустил несколько книг и множество брошюр, читал лекции, произносил речи, пользуясь всяким поводом для противопоставления злу и беспорядку современности преимуществ проповедуемого им «нового нравственного мира». В эти последние годы оуэнистское движение приобрело чисто сектантский характер.

Только смерть прервала пропаганду Оуэна. Уже совсем больной и слабый, не будучи в состоянии самостоятельно подняться на кафедру, произнес он свою последнюю речь, закончить которую у него не хватило сил.

II

Основные положения социального учения Оуэна можно считать полностью сложившимися-

ся к 1820 г. Его участие в рабочем движении 1832—1834 гг. внесло некоторые новые черты в его понимание способов осуществления социального преобразования. Но оно не отразилось на его представлениях о человеческом обществе, — о причинах господствующего в нем зла, о новой социальной системе, которая должна сменить существующую. В течение последующих двадцати с лишним лет Оуэн лишь уточняет и популяризирует систему, давно уже сформировавшуюся в его сознании, иногда внося в нее некоторые небольшие вариации, иногда подкрепляя ее новыми аргументами.

Несмотря на развертывавшуюся вокруг него классовую борьбу, несмотря на близость его в течение ряда лет к рабочим организациям, Оуэн до конца своих дней оставался в своей теории общества рационалистом, верным учеником просветителей XVIII в. Уже в первом своем значительном произведении — «Об образовании человеческого характера» (1813) — Оуэн утверждает, что страдания, переживаемые обществом, обусловлены «заблуждениями наших предков»,³ невежеством как правителей, так и управляемых. Невежество и заблуждения для Оуэна — источник всякого зла, разум и знание — источники счастья. К невежеству он сводит в конечном счете все моральные недостатки человека.⁴

³ «A New View on Society», введение: «Британскому обществу».

⁴ Дальнейшее развитие плана..., стр. 112—114.

Этим «простым истинам» он остается верен на протяжении всей своей литературной деятельности. С этой точки зрения история всех предшествовавших веков представляется Оуэну историей человеческого неразумия. Неудивительно поэтому, что «человек теперь ни на одну иоту не ближе к счастью, чем в те времена, от которых до нас дошли первые известия о людях». ⁵ Человек, по мнению Оуэна, не мог осуществить своего счастья, так как его ум был скован грубыми заблуждениями.

Четыре плотных слоя заблуждений окружают человека с детства, утверждает Оуэн: это заблуждения, связанные с сектой, классом, партией и страной. Через эти покровы человек видит все в искаженном виде. Различные их комбинации ведут к различию во взглядах, к вражде между людьми. Вреднее всего воздействие предрассудков, связанных с сектами. ⁶ Иногда Оуэн говорит еще резче: источник всех несчастий человечества — заблуждения, входящие в состав основных представлений всякой религии. Суеверия религий возникли как результат невежества в период умственного детства человечества. На почве религиозных заблуждений вырастает духовенство, затем само создающее и распространяющее заблуждения. Духовенство воспитывает пороки и потом уверяет, что человечество порочно по природе. Духовенство само

⁵ Описание ряда заблуждений и бед..., стр. 145.

⁶ Там же, стр. 144.

верит в истичность того вздора, которому оно учит, утверждая, что это — «божественная» истина. Надо уничтожить, заключает Оуэн, это «темное царство» духовенства, надо уничтожить освящающие его богословские труды.⁷

Разумная общественная система должна быть основана на законах природы. В существующей системе господствуют, по мнению Оуэна, не законы природы (или бога), а зловердные человеческие законы. Все существующие учреждения свидетельствуют о безумии человечества. В мире человеческих законов, говорит Оуэн, правят сила и обман. Человеческие законы охраняют несправедливость и наделяют властью угнетателей. Их основная цель — держать народ в невежестве и нищете. Причина длительного существования столь порочной системы состоит в прочности человеческих заблуждений, в том, что сознание лишь постепенно растет в мире. Человек медленно развивается из невежественного дикаря в рациональное существо. С этой точки зрения прошедшее было неизбежно. Понятно, почему мудрецы и ученые, проповедывавшие истину в прошлые века, не имели успеха: мир тогда еще не созрел для понимания истины. Человек не должен преждевременно разбивать скорлупу невежества.⁸

⁷ «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 15—20.

⁸ «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 125—126, 220—244; «Книга о новом нравствен-

Для счастья людей их сознание должно быть освобождено от неправильных идей, оно должно быть, как говорит Оуэн, «рождено заново». Момент пробуждения человеческого сознания приближается. Всякому разумному наблюдателю должно быть ясно, что готовятся великие перемены, что человечеству предстоит сделать важный шаг вперед. Невежество, какие бы усилия оно ни делало, чтобы помешать истине, в конце концов неизбежно отступит перед опытом. Опытное знание рассеивает мрак невежества, освобождает человека от умственного рабства, изучение законов природы вытесняет суеверия, обеспечивает свободу человеческого разума. Уважение к религии падает, истинное знание все шире распространяется. Мы идем навстречу эре разума, утверждает Оуэн, приближается день возрождения человеческого духа. Сила разума разрушит господствующую ложь, установит законы природы и бога вместо несправедливых человеческих законов.⁹

Из всех человеческих заблуждений наибольшее значение для общественной организации имеет, по мнению Оуэна, ложное учение о человеческом характере. По общераспространенному убеждению, говорит Оуэн, человек сам образует свой характер и потому

ном мире», т. II, стр. 30—33; Описание ряда заблуждений и бед..., стр. 144—145 и др.

⁹ Описание ряда заблуждений и бед..., стр. 145; «Доклад графству Ленарк», стр. 270; «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 15—20.

ответственен за свои мысли, желания и привычки. За одни он заслуживает награды, за другие — наказания. От свободной воли человека зависит быть плохим или хорошим. В силу этого ложного мнения, проповедуемого религией, между людьми возникают ненависть и мстительность, из него вырастает множество общественных зол. В действительности человек никогда не образовывал своего характера и никогда не будет в состоянии этого сделать. Характер образуется для человека обстоятельствами, средой. Сама по себе природа человека хороша. У него имеются все данные к тому, чтобы быть добродетельным. Плохие характеры созданы плохими условиями жизни. Для развития хороших качеств в человеке нужны новые условия, возможно более полно соответствующие природе человека.

Учение Оуэна о человеческом характере, как и его учение об общественном развитии, примыкает к построениям французских материалистов XVIII в. Оуэн, как мы видим, не может освободиться от того противоречия, которое свойственно общественным теориям Гельвеция, Гольбаха и других представителей французской материалистической философии. Невежество и заблуждения Оуэн объявляет источником всех общественных зол. А с другой стороны, исходя из учения об образовании характера, он утверждает, что заблуждения, как и общий характер, создаются условиями жизни людей.¹⁰ Чтобы изменить

¹⁰ «Доклад графству Ленарк», стр. 243—246.

общественный строй, надо освободить человеческий разум от заблуждений; чтобы освободить его от заблуждений, надо изменить условия среды, т. е. общественный строй. Реального выхода из этого противоречия Оуэн, оставаясь на почве усвоенной им философии XVIII в., конечно, найти не мог, да он такого выхода и не искал. С исключительной настойчивостью — почти с настойчивостью навязчивой идеи, — повторяя иногда по нескольку раз в одном выступлении мысль об образовании характера средой, он с такой же настойчивостью проповедывал неизбежность общественного преобразования в результате усвоения людьми провозглашаемых им «простых истин».

Человек стремится к счастью, утверждал Оуэн. Общественная среда толкает его к тому, чтобы добиваться своего счастья за счет счастья других. Происходит борьба за счастье, которая в существующих условиях действует разрушительным образом, ибо между счастьем отдельного человека и счастьем всех прочих людей существует неразрывная связь. Необходимо, следовательно, так организовать воспитание и жизнь людей, чтобы внедрить в их сознание, что личное счастье каждого может быть достигнуто лишь в той мере, в какой растет счастье других, счастье всего общества. «Что лучше всего для семьи человечества, то лучше всего и для каждого отдельного ее члена». Это положение, вопреки предыдущему рассуждению о среде, Оуэн

объявляет истиной, доказуемой такими же рациональными методами, какими доказываются истины геометрии.

На таких положениях строит Оуэн свою «науку» об обществе. Подобно Сен-Симону и Фурье он уверен, что этой науке предстоит большое будущее, что она станет «наукой наук», откроет новую эру в истории человечества.¹¹ Совершенно ясно, что это отнюдь не наука о законах развития общества, а «наука» о его «естественном», соответствующем природе устройстве. Ложные представления о природе человека, — говорит Оуэн, — причина морального зла и противоестественного общественного порядка. Общество во все времена и во всех странах представляло хаос. Оно никогда не было предметом науки. Никогда люди даже не пытались внести в общество порядок и систему. «Наука» об обществе, основывающаяся на истинном знании природы человека, имеет своей задачей, с точки зрения Оуэна, упорядочение хаоса человеческих отношений. Это — наука об истинных законах производства, о наилучшем способе распределения, наилучшем воспитании и наилучшем управлении.

Мы не находим у Оуэна попытки общего обзора хода исторического развития с точки зрения его теории. По этому вопросу у него имеются лишь беглые замечания, не сведенные в систему и недостаточно увязанные с основными принципами его учения об обществе.

¹¹ «Доклад графству Ленарк», стр. 225—230.

Первобытное состояние он характеризует как жизнь в кочевых ордах; в этот период люди более или менее счастливы счастьем животной жизни. Затем следует охотничье-скотоводческая стадия, от которой человечество переходит к земледелию, когда пастбищ начинает нехватать для пропитания возросшего населения. Так как никто не хотел обрабатывать землю, не будучи уверен в прочности своего владения ею, то состоялся как бы молчаливый договор, признававший право на землю за теми, кто вкладывал свой труд в ее обработку. Так, по мнению Оуэна, возникла частная собственность. В оценке значения частной собственности в этот первоначальный период у Оуэна есть некоторые колебания. Иногда он заявляет, что частная собственность на землю — плод насилия и несправедливости.¹² Иногда он склонен признать, что для известного времени частная собственность была полезна.¹³ Как бы то ни было, в дальнейшем она развилась в искусственное право, которому были принесены в жертву естественные права человека.

Исторические проблемы в общем мало интересуют Оуэна. Свой анализ общественного «хаоса» он начинает с отношений, сложившихся в Англии после промышленной революции. Этот анализ далек по своему охвату и глубине от разносторонней и едкой критики

¹² «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 188.

¹³ «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 24.

Фурье. Некоторые положения Оуэна свидетельствуют об известной поверхностности его экономических суждений. Тем не менее эта часть его учения представляет значительный интерес.

В своем докладе 1817 г. Оуэн указывает на промышленный переворот как на непосредственную причину зол, угнетающих современное ему английское общество. В произведениях 1817—1821 гг. он настойчиво повторяет и развивает это положение. Причина существующей нужды, утверждает Оуэн,— в том, что введение новых машин обесценивает человеческий труд. Новые машины в колоссальной степени увеличивают производительную мощь страны. В настоящее время, утверждает Оуэн, одно предприятие с 2500 рабочих производит столько, сколько производило 50 лет назад все население Шотландии.¹⁴

До введения машин большинство населения Англии, говорит Оуэн, составляли земледельцы. В мануфактуре господствовал ручной труд. И земледельческий и мануфактурный труд хорошо вознаграждался. Цены на предметы первой необходимости соответствовали заработку. Несколько идеализируя недавнее прошлое, Оуэн утверждает, что это время можно считать временем относительно высокого благосостояния населения. Пауперизм был незначителен. В производстве применял-

¹⁴ Доклад, представленный Комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих, стр. 89.

ся почти исключительно труд взрослых мужчин. Если считать, что производительным трудом была занята приблизительно четверть населения и что все население равнялось 15 млн., мы получим 3750 тысяч человек, занятых в производстве. Оуэн предполагает далее, что «технические производительные силы» были примерно втрое больше силы ручного труда, т. е. составляли 11 250 тыс. человеческих сил. Таким образом, вся сумма производительных сил равнялась $3750 \text{ тыс.} + 11250 \text{ тыс.} = 15 \text{ млн.}$ человеческих сил, т. е. относилась ко всему населению, как 1 : 1.

Применение технических изобретений вызвало небывалый переворот. Они завоевывали одну область за другой. Изобретения вызывали рост частного богатства, а рост богатства стимулировал новые изобретения. Рабочее время с введением машин удлинилось; в производство был втянут женский и детский труд. Но более всего поразителен связанный с новой техникой рост производительных сил. В то время как население возросло к 1817 г. только до 18 млн., а трудовая его часть — до 6—7 млн. (треть вместо прежней четверти), «технические производительные силы» возросли до 200 млн. человеческих сил с лишним. Следовательно, отношение всего населения к производительным силам составляет теперь 1 : 12, а рабочего населения — 1 : 30. Способность страны создавать богатства выросла в 12 раз. Англия, говорит Оуэн, может покрыть своим производством весь

разумный спрос, заполнить своими изделиями мировой рынок. Такое развитие производительных сил само по себе представляется Оуэну фактом положительным. Оуэн вовсе не враг машин. «Общество заинтересовано в получении наибольшей суммы полезных продуктов с наименьшей затратой человеческого труда». И тем не менее для него бесспорно, что именно этот процесс, при существующих общественных условиях, приводит к колоссальному росту нужды. Изобретения содействуют скоплению богатств в руках немногих, а массе населения обращают в рабов.¹⁵

Выгоды, проистекающие от роста производительных сил, на большую часть общества не распространяются. Машин — источник богатства — становятся источником нужды. Машин конкурируют с рабочими; в силу дешевизны труда машин они вытесняют рабочих из производства и снижают «оценку труда» тех, которые сохранили работу. Рабочие не в силах выдержать конкуренции с машинами. Значительная часть рабочих оказывается излишней в производстве. Особенно резко сказались, по мнению Оуэна, все эти последствия введения машин после окончания войны. Прекращение войны вызвало сокращение спроса на продукты, резкий рост безработицы и пауперизма, падение заработной платы. Сокращение фонда заработной платы, в свою очередь, понизило покупатель-

¹⁵ «Доклад графству Ленарк», стр. 201—202.

ную способность населения. Быстро увеличивающееся количество товаров не находит себе потребителей. Затруднения в сбыте растут, даже мировой рынок не в состоянии поглотить товарную массу. Предложение превышает спрос, товары переполняют рынки, производство сокращается, безработица растет. «Мир насыщен богатством, и всюду царит нищета». ¹⁶

Все те меры против нищеты и безработицы, которые принимались до сих пор, пишет Оуэн, не дают никакого результата, и положение неизбежно будет ухудшаться, пока общество будет держаться за существующую систему производства. Из существующего кризиса может быть три выхода: либо надо отказаться от машин; либо нужно, чтобы «излишние» рабочие вымерли; либо должна быть создана такая организация, при которой бедным и безработным будут предоставлены выгодные занятия, причем механизмы будут содействовать их труду, а не заменять его. ¹⁷ Если предоставить событиям развиваться так, как они развивались до сих пор, то неизбежным результатом будет голодная смерть миллионов людей. Допустить это было бы неправдоподобной жестокостью. Но, может быть, следует ограничить машинное производство? Такой выход Оуэн считает невозможным: во-первых, этого нельзя сделать

¹⁶ Описание ряда заблуждений и бед..., стр. 140.

¹⁷ Доклад, представленный Комитету Ассоциации..., стр. 90.

из-за конкуренции с другими странами; во-вторых, это было бы возвратом к варварству. Остается, следовательно, только третий выход, при котором машины станут слугами трудящихся вместо того, чтобы отбивать у них хлеб. Общество должно быть устроено так, говорит Оуэн, чтобы все население участвовало в выгодах, извлекаемых из опирающегося на науку развития производительных сил.¹⁸

Если цель человечества — счастье, то нельзя придумать худшей системы для достижения желанной цели, чем та, которая существует сейчас у всех народов мира.¹⁹ Царящие в ней индивидуализм и конкуренция противоречат природе. Для «божественного закона» человек — не индивидуальность, а член большого единства.²⁰ Принцип личной заинтересованности изжил себя. Общество идет к анархии, и его невозможно спасти на основе личной заинтересованности, ибо этот принцип и есть корень всех бедствий и дурных страстей. Общественное зло будет возрастать, пока один человек живет обособленно от другого.²¹ Все человеческие учреждения свидетельствуют, по мнению Оуэна, о безумии общественного порядка. Среди них на первое место следует поставить част-

¹⁸ «Доклад графству Ленарк», стр. 182.

¹⁹ Описание ряда заблуждений и бед..., стр. 140—141.

²⁰ «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 198.

²¹ Речь в Таверне лондонского Сити, стр. 174.

ную собственность. Частная собственность — источник вражды, обмана, мошенничества, проституции, бедности, преступлений и горя. Она несправедлива и неразумна. Она вредна, утверждает Оуэн, и для низших, и для средних, и для высших классов.²² Пока она существует, счастье человечества невозможно.

В существующей индивидуалистической системе все человеческие отношения, говорит Оуэн, принимают извращенные формы. Царящие в ней борьба за жизненные блага и ложная религия извращают и естественные отношения между мужчиной и женщиной. Существующая форма семьи есть, по мнению Оуэна, одно из средств держать людей в подчинении неразумным законам государства и церкви. Современная семейная жизнь вся пропитана обманом, лицемерием и насилием. Брак, основанный не на склонности, а на лжи, в то же время требует от человека, в противоречии с велениями его природы, длительной любви. Эти противоестественные отношения нисколько не оправдываются необходимостью воспитывать детей, ибо в такой семье дети не могут получить хорошего воспитания. Суммируя результаты своего критического исследования раздирающих общество бедствий, Оуэн говорит иногда о «троице зол». Эта «троица» состоит, по его мнению, из религии, частной собственности и брака.

²² «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 21—22.

Особое и весьма заметное место в критике существующих общественных отношений занимает у Оуэна анализ системы товарного обращения. Рассуждения Оуэна по этому вопросу, при всей их теоретической наивности, заслуживают внимания, так как они послужили основой одного из его практических мероприятий — организации меновых базаров.

Не может быть и речи, утверждает Оуэн, о недостатке производимых богатств. Из этого положения он делает иногда вывод, что великая проблема времени лежит не в области производства, а в области распределения. Это неправильное умозаключение, противоречащее его собственным, изложенным нами выше взглядам на существо общественного зла, приводит его к рассмотрению вопроса о «мериле ценности», вопроса, привлекавшего в его время большое внимание буржуазных реформаторов. Если поток богатств, создаваемых в достаточном количестве, не может свободно разливаться, говорит Оуэн, то причина — в несовершенстве организации обмена, в несовершенстве существующего «мерила ценности».

Люди, рассуждает Оуэн, издавна обменивали между собой хозяйственные блага. Первой ступенью обмена был обмен вещи на вещь. При таком непосредственном обмене мерилom ценности вещей служил труд. Определенное количество труда обменивалось на такое же количество труда. С ростом потребностей и сношений этот способ обмена стал неудобным и был заменен торговлей. Принцип

торговли — добывать благо с наименьшей затратой труда и получать в обмен за него возможно больше. Для торговли понадобилось искусственное мерило ценности — деньги. На известной ступени развития эта система была выгодна. Она содействовала росту изобретательности, предприимчивости людей. Но, с другой стороны, денежная система развивала в людях невежественное себялюбие, индивидуализм. Антагонизм между людьми, погоня за богатством, множество несправедливостей — таковы естественные результаты денежной системы. Люди научились хорошо производить, но разучились разумно потреблять. Искусственное орудие обмена дает возможность фальсифицировать реальную ценность благ. Деньги позволяют надувательски отнимать блага у тех, кто их производит в тяжком труде, позволяют накапливать богатства самым вредным членам общества. «То, что создает богатство, — утверждает Оуэн, — естественно стоит того богатства, которое оно создает. Иными словами, рабочий имеет право на полный продукт своего труда. Пользуясь искусственным мерилом ценности, предприниматели оплачивают рабочим не полную стоимость их труда. Таким образом, по мнению Оуэна, применение искусственного мерила ценности делает возможной эксплуатацию. А с другой стороны, в нем же источник еще одного величайшего зла: оно ограничивает создание богатства количеством сравнительно малоценного металла. Искусственное мерило ценности,

заклучает Оуэн, задерживает прогресс, пора от него отказаться.²³

Чтобы внести правильность в распределение богатств, дать доступ к богатствам трудящимся, необходимо искусственное мерило ценности заменить естественным. Таковым может быть только человеческий труд, ибо именно труд является источником всякого богатства. Ценность каждого товара должна определяться в часах необходимого для его изготовления среднего человеческого труда. Теми же единицами должна определяться и ценность самого труда, т. е. заработная плата. Введение естественного мерилa ценности обеспечит гармонию между производством и потреблением. Спрос на рынках создается в основном вознаграждением, получаемым рабочим за их труд. Недостаточное вознаграждение обуславливает узость рынка. При естественном мериле ценности спрос на товары, определяемый потребительным фондом трудящихся, придет в равновесие с предложением. С ростом производительных сил будет расти вознаграждение рабочих и их благосостояние. Рабочий будет получать «справедливую и твердо установленную долю» продукта своего труда и освободится от рабства, в котором его держит искусственная система оплаты труда.²⁴

²³ «Доклад графству Ленарк», стр. 208—210; «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 49—50; «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 169—172, 201—205.

²⁴ «Доклад графству Ленарк», стр. 184—192, 208.

Таким образом, Оуэн, как мы видим, отказывается от последовательного применения права рабочего на «полный» продукт его труда. Предоставляя ему «справедливую» долю продукта, он тем самым сохраняет возможность некоторой предпринимательской прибыли.

К мысли о естественном мериле ценности как о средстве искоренения зла капиталистического строя Оуэн возвращается неоднократно. Введение такого мерила представляется ему совместимым с сохранением частной собственности и капитализма. Если бы Оуэн ограничился этим планом преобразования системы обращения, то мы имели бы в его теории лишь один из вариантов широко распространенных мелкобуржуазных утопий, стремящихся к устранению зла неравенства без радикального изменения производственных отношений. В действительности, как мы знаем, Оуэн уже в 1817 г. идет в своей критике общества значительно дальше; в 1820 г., в той же работе, в которой он выдвигает свою теорию «естественного мерила ценности», он развивает идею коммунистических общин. Взаимоотношение этих двух частей учения Оуэна не всегда отчетливо им формулируется. Но все же в большинстве случаев реформа обращения подчинена у него плану коммунистического преобразования как его составная часть, как один из путей, ведущих к полному изменению основ общественного строя.²⁵

²⁵ «Crisis», т. I, № 13, стр. 50; № 15—16, стр. 59.

III

Старой системе, основанной на заблуждениях, полной лжи и невежества, бедности и притеснений, жестокости и преступлений, Оуэн противопоставляет идущую ей на смену новую систему, рациональную, основанную на истине, на науке, ставящую себе целью обеспечение физического и морального благосостояния всех людей. В ней не будет места лжи, в ней будут неизвестны бедность и бесчеловечность, в ней не будет ни рабов, ни крепостных, ни эксплуатации. Ее принципы — общий труд, общность владения и равенство в правах и обязанностях.²⁶ В новой системе частные интересы будут совпадать с интересами общественными, не будет более разрыва между умственным и физическим трудом.²⁷ Она положит конец царящим в обществе хаосу и анархии; она организует впервые планомерную хозяйственную деятельность. «До сих пор, — говорит Оуэн, — люди умели действовать объединенно только для защиты своей жизни и для уничтожения других на войне; теперь не менее необходимо совместное производство для мирных целей поддержания жизни».

Основная ячейка идеального общества, как оно рисуется Оуэну, — небольшая трудовая община. Оуэн называет трудовую общину «молекулой общества». Подобно Фурье, он придает большое значение определению ее со-

²⁶ «Конституция Новой Гармонии», стр. 276.

²⁷ «Доклад графству Ленарк», стр. 232—233

става и ее размера. Это, по его мнению, одна из труднейших и важнейших задач политической экономии. Сам Оуэн колебался в определении желательного числа членов общины. В различных произведениях он дает цифры: от 500 до 1500, от 300 до 2000 и т. п. В этом числе должны быть представлены все возрасты человеческой жизни, между которыми Оуэн распределяет различные общественные функции. На каждого члена общества должно причитаться от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ акров земли. Оуэн надеется, что в дальнейшем эта норма будет понижаться.

Как и большинство утопистов, Оуэн очень подробно описывает внешнюю обстановку общин, расположение общественных зданий, жилых и фабричных помещений. Основные корпуса располагаются в центре территории общины и образуют квадрат, внутри которого в свою очередь строятся корпуса, делящие квадрат на прямоугольники. В этих центральных зданиях помещаются общественные кухни и столовые, школы, залы для чтения и для заседаний. В корпусах, составляющих стороны квадрата, находятся жилые квартиры, отдельные спальни детей старше трех лет, больница, комнаты для приезжающих. Вокруг квадрата расположены сады, за ними мастерские, фермы, пивоварни, хлебопекарни, поля и пастбища, среди которых посажены ряды фруктовых деревьев.

При современной индивидуалистической системе, говорит Оуэн, накопление богатств в

руках немногих служит средством для эксплуатации многих. Такого накопления нет и не может быть в общине. Накопление имеет здесь место лишь в смысле образования запасов на случай плохого урожая или для обмена с соседними общинами. Цель хозяйственной деятельности в общине не накопление, а удовлетворение потребностей ее членов. В современном обществе трудящиеся резко разделены на две группы: одни из них заняты только земледельческим, другие — только промышленным трудом. Это разделение отрывает промышленного рабочего от источника средств существования, удаляет его от природы, вредно как в экономическом, так и моральном отношении. В идеальной общине Оуэна, как и в фаланге Фурье, этот разрыв устраняется. В ней соединены промышленный и земледельческий труд при известном предпочтении последнему. Уничтожая противоречие между умственным и физическим трудом, община уничтожает также противоречие между городом и деревней, сочетая в себе положительные черты городской и деревенской жизни.

Оуэн не дает такой тщательно разработанной схемы организации труда в общине, какую мы находим у Фурье по отношению к его фаланге. Поскольку все члены общины равны в правах и обязанностях, все они несут известный труд на общую пользу. «Никто не имеет права требовать, чтобы другой делал для него то, чего он сам не хочет делать для

другого». В общине не может быть, следовательно, деления на классы в общепринятом смысле этого слова. Но в ней есть возрастные деления, которые Оуэн именуется классами и которые отличаются друг от друга по своим функциям. Наибольшей четкости представления Оуэна об этом возрастном разделении функций достигают ко времени написания «Нового нравственного мира».

Первый «класс» составляют в общине дети до 5—7 лет, обучающиеся в начальной школе. Второй «класс» — дети от 7 до 10 лет; они уже приобретают полезные практические знания и привлекаются к домашним и садовым работам. Третий «класс» составляют дети от 10 до 15 лет и четвертый — юноши от 15 до 20 лет. С 12 лет каждый изучает наряду с научными занятиями какое-либо ремесло. Основную массу занятых производительным трудом дает пятый «класс» — молодые люди от 20 до 25 лет. Главная функция шестого «класса» — от 25 до 30 лет — охрана и распределение богатств общины. Непосредственным производительным трудом эта группа занимается лишь два часа в день. Зато на ее обязанности лежит наблюдение за всеми общественными учреждениями, их усовершенствование, занятия науками и искусством. На долю седьмого «класса» — от 30 до 40 лет — падает дело внутреннего управления общины, организация различных отраслей производства и руководство ими. Восьмой «класс» — от 40 до 60 лет — ведает

внешними сношениями общины: приемом делегатов, обменом продуктами, учреждением новых общин и т. п. «Класс» стариков старше 60 лет составляет группу хранителей общинной конституции.²⁸

Оуэн, выступая против социальных последствий технического прогресса при существующем режиме, всегда оговаривается, что общество не может отказаться от изобретений, облегчающих человеческий труд. Общество заинтересовано в повышении производительности труда, а коммунистический порядок послужит гарантией того, что машины в общинах будут не конкурентами труда, а его слугами. Поэтому машины будут применяться в новой общественной системе гораздо шире, чем теперь. Оуэн убежден в том, что применение в общинах всех достижений науки и техники даст возможность при умеренном труде производить все необходимое в количестве, превышающем потребности, — производить неисчислимые богатства. Следует отметить, что прогресса в сельскохозяйственном производстве он ждет не столько от технических усовершенствований, сколько от интенсификации обработки земли, от вложения в единицу площади большего количества человеческого труда. При этом он не останавливается даже перед мерой технически реакционной, предлагая отказаться от обработки земли плугом и перейти к обработке лопатой,

²⁸ «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 62—81.

т. е. к грядковой культуре. Это, по его мнению, верное средство предоставить какому угодно количеству рабочих плодотворную и постоянную работу. Такое изменение в способе обработки земли более эффективно, по его мнению, чем изобретение Кромптона и Аркрайга. Оно дает возможность прокормить на данной территории население, во много раз превышающее по своей численности то, которое проживает на той же площади в настоящее время.

Широко распространенный предрассудок, будто лишь индивидуальная собственность может создать достаточные стимулы для интенсивного труда, Оуэн решительно отвергает: общий интерес, утверждает он, дает больше стимулов к труду, чем частный интерес. Управление общины распределяет между гражданами работу сообразно с их способностями и общими интересами. Оно распределяет продукты общинного труда в соответствии с потребностями и организует общественное питание.²⁹ При «неисчислимых богатствах» общины это не может представлять никаких затруднений. Никому не придется отказываться; всякий сможет получить из общественного склада все, что ему нужно. С другой стороны, никто не захочет брать больше, чем нужно. Копить богатство будет

²⁹ Речь в Таверне лондонского Сити, стр. 166—167; «Доклад графству Ленарк», стр. 258—259; «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 56—58.

столь же неразумно, как запасать воду там, где ее больше, чем нужно для потребления.

Производство каждой общины будет несколько отличаться от производства других общин ввиду различия почвы, климата и прочих условий. Каждая община будет поэтому производить некоторые продукты в количестве, превышающем ее спрос. Этот излишек должен идти на обмен с другими общинами для получения продуктов, которые в данной общине не производятся. Мерой ценности обмениваемых продуктов должен быть труд, орудием обмена — денежные знаки, представляющие определенное количество труда. Их обеспечением будут служить продукты, находящиеся на складах общин. Пока рядом с ячейками новой общинной системы будет существовать старая, общинам придется продавать старому обществу соответствующую часть продуктов, чтобы добыть таким образом средства, необходимые для уплаты налогов.³⁰

Очень большое внимание, в соответствии со своим учением об образовании человеческого характера, уделяет Оуэн воспитанию. Воспитание составляет существенную часть той среды, которой определяется характер. В общине будущего оно тесно связано с производством: последнее само является элементом воспитания. Каждый ребенок получает общее образование и параллельно те навыки, которые делают его способным выполнять возла-

³⁰ «Доклад графству Ленарк», стр. 262—263.

гаемые на него обществом обязанности. Это отнюдь не значит, полагает Оуэн, что из ребенка нужно готовить работника узко определенной профессии. Цель воспитания — создать самостоятельно, рационально мыслящих и общественно-активных людей. Человек должен быть всесторонне образованным, чтобы быть способным к всесторонней практической деятельности. Коллективное моральное воспитание детей должно начинаться в раннем возрасте. Но школьное обучение, по мнению Оуэна, не следует начинать слишком рано, причем оно должно быть по возможности наглядным. Большая часть познаний должна приобретаться не в школе за книгой, а путем непосредственного наблюдения и изучения природы и производственных процессов. Чем старше ребенок, тем более активно участвует он в производстве.

Решительный враг всех современных ему религий с их вздорными суевериями, с их вредными для общественного благосостояния поучениями, с их невежественным и порочным духовенством, Оуэн тем не менее считает необходимым сохранить в будущем обществе религию в некоторой новой форме. Религия будущего — рациональная религия, очищенная от предрассудков. Эти предрассудки, говорит Оуэн, надо подрезать в корне, человечеству следует вернуть полную свободу мысли, его естественное право. В общинах не должно быть ни малейшей дозы религиозной нетерпимости или сектантства; там, где они

есть, не может быть гармонии и радости.³¹ Догматическая сторона рациональной религии Оуэна сводится по существу только к признанию существования всемогущего творческого начала, которое непонятно для человеческого разума. Но и этот догмат Оуэн не признает общеобязательным: для него неограниченная свобода совести — одно из условий успеха социального преобразования. Религия должна проповедывать любовь к ближнему, хотя бы он был неверующим. Истинное и основное содержание религии, заявляет Оуэн, составляют не фразы, формулы и церемонии, а практика деятельной любви, активное содействие счастью ближнего. Истинное богослужение — в невыразимом чувстве изумления и восторга, которое вызывает в человеке наблюдение бесконечности мира и его законов. Очевидно, религия нужна Оуэну как высшая санкция проповедуемого им нового социального и морального мира.³²

Организация управления в идеальной общине Оуэна чрезвычайно проста. Различные функции, в том числе и функции управления, распределены, как мы уже говорили, между отдельными возрастными группами. На этой позиции стоит Оуэн и в «Докладе графству

³¹ Речь в Таверне лондонского Сити, стр. 170—171.

³² «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 269—272. Спиритические увлечения последних лет жизни — симптом старческого одряхления Оуэна — не могут приниматься всерьез при характеристике его идейного наследия.

Ленарк» (1820) и в «Книге нового нравственного мира», т. е. в конце 30-х и в начале 40-х годов. Как на несомненное преимущество возрастного принципа отбора руководителей Оуэн указывает на то, что при такой системе не будет «зла выборов и избирательных кампаний». ³³ Об особых органах власти в общинах Оуэна говорить в сущности не приходится, если не считать таковыми собрания возрастных групп. Необходимо, однако, отметить, что на практике Оуэн вынужден был отказаться от своего возрастного принципа и вернуться к принципу выборности. Согласно конституции общины «Новая Гармония», исполнительная власть принадлежит в ней совету, избираемому собранием членов, а руководство отдельными специальностями — лицам, избираемым работниками данной специальности. ³⁴

Что касается центральной власти, то на период организации общин до тех пор, пока на их членах не скажутся результаты новой системы воспитания и новых социальных условий, Оуэн предлагает сохранить за нею известные полномочия. В дальнейшем, однако, когда новая система укрепитя, общины, как выражается Оуэн, не будут доставлять центральной власти много хлопот. Их внутреннее управление будет легко справляться со своими задачами без посторонней помощи. Для этой цели не нужно будет ни судов, ни

³³ «Доклад графству Ленарк», стр. 256.

³⁴ «Конституция Новой Гармонии», стр. 280—281.

тюрем, ни наказаний, — все эти орудия насилия нужны лишь там, где не понимают природы человека, где общество построено на невежественной системе индивидуальной конкуренции. Новая система, опирающаяся на науку о человеческом характере, не пользуясь насилем, добьется результатов, которые сейчас недостижимы: она не даст расти тому злу, против которого приходится теперь бороться мерами насилия. Одна из важнейших функций центральной власти — война. Но с установлением царства разума и науки должна отпасть и эта последняя обязанность центральной власти. Люди осознают вред и безрассудность войны и найдут средства обходиться без нее. Конечный идеал Оуэна — свободная федерация самоуправляющихся общин.

В новом нравственном мире родится и вырастет новый человек — новый и в физическом, и в нравственном, и в умственном отношении. Общность интересов и целей, отсутствие оснований для возникновения противоречий между членами общества, сочетание физического и умственного труда, правильное воспитание, основанное на науке о человеческом характере, создадут условия для полного и всестороннего развития природы человека, его способностей. Современный человек, говорит Оуэн, лишь малый и несовершенный обломок того, чем он мог бы быть. В современном обществе мы видим, с одной стороны, людей, занятых исключительно отупляющей физической работой, а с другой — людей,

приносящих обществу, по мнению Оуэна, только вред — богословов, врачей, юристов и т. п.³⁵ В новом обществе, в новых условиях существования, соответствующих его природе, человек восстановит свою целостность. Не будет более этих живых машин, которые умеют только следовать за плугом, ворошить сено или выполнять незначительную работу при изготовлении каких-либо незначительных предметов. Вместо людей, занятых нездоровым трудом и тупо смотрящих на окружающее без понимания и размышления, «возникнет рабочий класс, преисполненный активности и полезных знаний, с навыками, сведениями, манерами и склонностями, которые поставят самого низкостоящего на много ступеней выше лучших представителей любого класса, созданного условиями прежнего или ныне существующего общества». ³⁶ Человек, говорит Оуэн, приобретет силу гиганта по сравнению с той, какой он теперь обладает. Всеобщее изобилие искоренит в человеке эгоистические привычки. Воспитание научит его чувствовать, мыслить и действовать рационально. Оуэн верит в то, что общество, основанное, в отличие от всех предшествовавших ему обществ, на научном знании законов человеческой природы, будет обществом гармоническим.

³⁵ «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 42.

³⁶ «Доклад графству Ленарк», стр. 251.

IV

Оуэн твердо убежден, что времена для возмещаемого им великого переворота уже созрели. Переворот неизбежен, вопрос лишь в том, как он произойдет. Оуэн чувствует (уже в 1817 г.), что готовятся «великие перемены» не только в области познания истины, но и в настроениях трудящихся масс. Бедственные условия их существования, утверждает он, грозят насильственным ниспровержением существующего порядка.³⁷ Общество идет, по его мнению, к анархии.³⁸ Позже Оуэн высказывается по этому вопросу еще более определенно, говоря о двух противостоящих друг другу силах: правительства и аристократии, с одной стороны, народа — с другой. Первые еще в состоянии, тесно сомкнувшись, удерживать в своих руках власть. Народ уже достаточно силен, чтобы, в свою очередь, объединиться для преобразования общества вопреки воле аристократии. Оуэн знает, что обе стороны склонны считать свои интересы непримиримыми. Дальнейшее обострение этих противоречий ведет к революции. Но этот революционный путь — не путь Оуэна. Он боится разрушения существующей системы руками «некомпетентных и грубых» людей.³⁹ Свою задачу он видит в том, чтобы предупредить революцию, в том, чтобы добиться

³⁷ Дальнейшее развитие плана..., стр. 131.

³⁸ Речь в Таверне лондонского Сити, стр. 161.

³⁹ Описание ряда заблуждений и бед..., стр. 148.

разрешения общественного кризиса мирным путем.

Для оуэновского рационализма возможность такого мирного перехода к новой общественной системе не подлежит спору. Дело ведь по существу, думает Оуэн, в победе правильных принципов. Между тем во всех партиях есть, по мнению Оуэна, разумные и предусмотрительные люди, способные эти правильные принципы усвоить. Истина доступна всем. Разъединяют людей их ложные понятия и интересы. В действительности же богатые и бедные, правящие и управляемые имеют одни и те же интересы. Господствующие учреждения разрушительно действуют на счастье всех классов. Даже в тот период, когда деятельность Оуэна была тесно связана с рабочим движением, он решительно высказывался против принципа классовой борьбы. В конце 30-х и в начале 40-х годов Оуэн создал в целях осуществления своих идей ассоциацию всех наций и всех классов.

Из отношения Оуэна к классовой борьбе естественно вытекает его отношение к государству. Правда, правительства вели до сих пор ложную и вредную политику, но это, утверждает он,— результат ложных взглядов, привитых ложным воспитанием. Если истину могут постигнуть все разумные люди, если общественное преобразование соответствует разумным интересам всех классов,— какие основания думать, что невозможно склонить на сторону реформ правительства? Неразумных

правителей надо просвещать. И Оуэн с настойчивостью повторяет свои безнадежные попытки убедить правительства взяться за осуществление его социальных планов. В 1817 г. он предлагает свой проект английскому парламенту, в 1818 г. обращается к правительствам Европы и Америки, к Аахенскому конгрессу держав Священного союза. Тридцать лет спустя, в 1849 г., он старается доказать неразумность политики английского правительства и убедить в разумности своего плана английскую королеву Викторию.⁴⁰

Неудачи этих обращений не могли излечить Оуэна от его утопического ослепления, хотя иногда в его выступлениях и слышатся нотки безнадежности.⁴¹ Реформа, проводимая правительством,— это, по мысли Оуэна, основной и простейший путь общественного преобразования. Нужно воспользоваться старыми правительствами, заявляет Оуэн, как пользуются старыми путями, когда строится железная дорога, которая должна их заменить.⁴² Каковы бы ни были правительства, долго отказываться от того, что диктуется разумом, они не смогут. Они должны будут усвоить истинную систему хотя бы в целях собственного спасения, во избежание грозящей им гибели.

⁴⁰ «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 122—131.

⁴¹ Например, в «Crisis», т. III, № 27, стр. 219; «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 105.

⁴² «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 185.

Какова классовая природа государства, каков его политический строй, это для Оуэна с точки зрения интересов социального преобразования кажется безразличным. В годы борьбы английского рабочего класса за политические права, за парламентскую реформу Оуэн, допуская справедливость политических требований чартистов, предостерегал их от надежды на то, что политическое преобразование улучшит положение народа. Оуэн считает ошибочным то мнение, что расширение политических прав с неизбежностью поведет к улучшению социальной организации. В виде доказательства он приводит пример Америки. В Америке политический строй основан, заявляет Оуэн, имея в виду документы американской революции, на самых радикальных принципах, между тем там существуют экономические кризисы, бедствующий рабочий класс, постоянная борьба между бедными и богатыми.

Ни одна из политических форм при существующей организации общества (ни деспотизм, ни ограниченная монархия, ни республика, ни демократия) не может обеспечить счастье народа.⁴³ Возможность организовать трудовые коммуны не зависит, по мнению Оуэна, от завоевания политических прав или всеобщего голосования.

Основной задачей правительства, ставшего на путь социальных реформ, Оуэн считает

⁴³ «Книга о новом нравственном мире», т. II, стр. 104—105.

организацию общин, которые обеспечат трудом безработных и послужат отправным пунктом для преобразования всего общества на коммунистических началах. Новая система, говорит он, начинается с организации труда безработных.⁴⁴ Государство должно выкупить землю у ее теперешних владельцев, разбить ее на участки, соорудить на участках необходимые постройки и набрать из безработных личный состав будущих поселений. Но так как безработные — люди, воспитанные в дурных условиях, во лжи старого общества, то для их перевоспитания, для их подготовки к жизни в общинах Оуэн предлагает иногда организовать из них своеобразную трудовую армию. Поэтому же правительство должно на первых порах руководить поселками и их работой через посредство особо подготовленных чиновников.⁴⁵ Но Оуэн верит, что очень скоро условия новой жизни сделают из членов общин людей, мыслящих и действующих рационально. Тогда общины превратятся в то, чем они должны стать, — в самоуправляющиеся клеточки идеального общества.

Переход от старого общества к новому будет проведен так, уверяет Оуэн, что это не затронет ничьих интересов. Владельцы богатств и власти должны знать, что не будет сделано ни малейшей попытки принудительно

⁴⁴ «Доклад графству Ленарк», стр. 273.

⁴⁵ Дальнейшее развитие плана..., стр. 123.

лишить их тех вещей, которым они пока придают цену. Общественное зло будет устранено без малейшего насилия над господствующими классами, без малейшего ущерба для них. Ликвидация существующего ненормального порядка произойдет не в результате борьбы между старым и новым миром, а в результате торжества здравого смысла. Как только общество наглядно убедится в том, сколько счастья обеспечивает своим участникам новая организация, оно захочет безотлагательно воспользоваться ее благами. Достаточно основать одну общину, чтобы внушить желание основывать другие; число последних будет быстро расти. После небольшого числа опытов их преимущества будут ясны всем. Характеры индивидов, воспитанных в новой системе, их поведение будут служить живым доказательством совершенства нового порядка вещей, и старое общество не замедлит исчезнуть. В одном из своих произведений Оуэн утверждает, что для преобразования общества в Европе и Америке требуется только 5 лет, а во всем мире — 10 лет.⁴⁶

Признавая наиболее простым и наиболее целесообразным способом перехода общества к новой системе перестройку общественной организации посредством соответственных актов правительств, Оуэн не считает этот способ единственно возможным. Он придает также большое значение инициативе отдельных

⁴⁶ «Революция в сознании и деятельности...», т. II, стр. 207.

лиц и организаций (с одной стороны, графств или крупных капиталистов, с другой — объединившихся представителей среднего или рабочего класса).⁴⁷ Ведь они могут показать пример, создав образец общины, а такой пример играет огромную роль. Именно такой смысл имели для Оуэна проделанные им самим опыты организации «коммунистических колоний». Такие же надежды толкают Оуэна в начале 30-х годов в сторону рабочих кооперативов и тред-юнионов. Однако, как мы уже указывали, близость к рабочему движению внесла в эти годы некоторые модификации в систему взглядов, которые Оуэн защищал до этого периода и после него.

Реформаторская роль государства отступает в это время на задний план и даже подвергается сомнению. Общественное преобразование мыслится как результат самостоятельной деятельности рабочих организаций — профессиональных и кооперативных. Трудовые классы, говорит передовая статья одного из первых номеров оуэновского журнала «Crisis» (1832), обладают силой и способностью произвести переворот в человеческих отношениях без помощи богатых; «если правительства нам не помогут, мы возьмем дело в свои руки».⁴⁸

В соответствии с этим на конгрессах кооперативных обществ в 1831 и 1832 гг. Оуэн

⁴⁷ См., например, «Доклад графству Ленарк», стр. 251 и др.

⁴⁸ «Crisis», т. I, № 3, стр. 11.

и его последователи провели резолюции, рекомендовавшие принять меры к немедленной организации коммуны.⁴⁹ В том же 1832 г. в одной из своих речей Оуэн выражает удовлетворение по поводу того, что среди трудящихся происходит движение, которое «приведет к созданию нового политического корпуса (body), страшного своею численностью, — корпуса, который образуют не праздные, а трудящиеся и полезные классы». Только трудящиеся классы, заявляет он, могут произвести необходимые перемены.⁵⁰ При этом, однако, Оуэн попрежнему уверен, что перемены будут носить мирный, безболезненный характер, попрежнему надеется, что правительство во всяком случае не окажет им противодействия.

В 1832 г. Оуэн, как мы уже говорили, возглавил движение в пользу организации меновых базаров или банков трудового обмена. Кооперативные общества рабочих уже и раньше делали попытки создать специальные органы для непосредственного обмена продуктов их труда. Оуэн своей пропагандой придал движению большой размах и дал ему теоретическое обоснование как одного из средств полного изменения основ общества, как пути перехода к новой общественной системе.⁵¹

На некоторое время идея меновых базаров отодвинула на задний план идею организации

⁴⁹ «Crisis», т. I, № 30, стр. 119; т. III, № 15, стр. 113—117.

⁵⁰ Там же, т. I, № 7, стр. 28.

⁵¹ Там же, т. I, № 13, стр. 51; № 15—16, стр. 59.

коммуны. В основе оуэновского плана менового базара лежало уже известное нам учение Оуэна о ценности и деньгах. При существующей системе, рассуждал Оуэн, каждый трудящийся вынужден обращать свой труд в деньги, продавать его, неся при этом известные убытки. Получив деньги, он должен обратиться к торговцу за продуктами, нужными ему для удовлетворения его потребностей. Таким образом, он всегда, и как производитель и как потребитель, зависит от посредника, отнимающего у него долю продуктов его труда. Денежная система служит орудием обмана трудящихся. Но производители могут обойтись и без посредника; для этого они должны лишь войти в контакт друг с другом. Этой цели в области производства служит кооперация. Этой же цели служит в области обращения меновой базар, который призван вытеснить торговца, как машины вытеснили ручной труд. Кооперация и меновой базар взаимно дополняют друг друга.

Основной принцип деятельности менового базара, по плану Оуэна, — непосредственный обмен продуктов между производителями по трудовой оценке. Лондонский меновой базар, находившийся под непосредственным руководством Оуэна и просуществовавший с 1832 по 1834 г., принимал на свой склад товары как от кооперативных организаций, так и от отдельных лиц. Специальные оценщики определяли стоимость сырого материала, употребленного на производство товара, и количест-

во рабочего времени, необходимого для его изготовления. Производителю выдавались бумажные боны на то или иное количество «рабочих часов» соответственно оценке сданного товара, но с вычетом $\frac{1}{12}$ на расходы по управлению. Каждый имел право получить со склада на эти боны нужные ему продукты, эквивалентные по трудовой оценке. Необходимо, однако, оговорить, что «трудовая оценка» носила практически довольно условный характер, так как и материал и труд оценивались сначала в обычных денежных единицах, которые переводились потом в «трудовые» единицы из расчета 6 пенсов = 1 часу. Само собой разумеется, что сдавать свои продукты базару могли лишь самостоятельные ремесленники и производственные кооперативы. Отдельным рабочим, лишенным средств производства, базар сам по себе был бессилён помочь. Но базар, будучи детищем кооперативного движения, в свою очередь стимулировал возникновение новых производственных кооперативов, втягивавших известное число рабочих.

Базар на первых порах имел значительный успех. Его боны охотно принимались частными торговцами. Однако уже очень скоро сказались внутренние противоречия плана организации «трудового» обмена в условиях распыленного, беспланового производства. В капиталистическом обществе относительное соответствие между предложением товаров и спросом на них устанавливается на рынке

путем колебания цен. Система обмена через посредство базара устраняла эту регулирующую роль рынка. Она как бы предполагала, что между производством данного продукта и потребностью в нем сама собой установится некая гармония. Между тем такой гармонии нет и не может быть, пока средства производства составляют частную собственность, пока производство остается неорганизованным, пока оно не подчинено единому хозяйственному плану. На склады базара поступали как ходкие товары, так и товары, не находившие сбыта. Первые быстро раскупались, и на складах оставались запасы товаров, с трудом реализуемых или вовсе не реализуемых. Клиенты базара, сдавшие продукты и получившие бонны за них, не находя на складах того, что им нужно, были вынуждены идти с боннами к частным торговцам. Диспропорция между закупками базара и продажами быстро росла. Бонны начали падать в цене. Применение более строгих требований к поступающим товарам, их более строгая оценка вызывали споры и недовольство. Поставщики съестных припасов отказывались поставлять базару свои легко находящие сбыт продукты в обмен на обесцененные бонны. Базару пришлось пойти на компромиссы: учитывать при приеме товаров не только «трудовые затраты», но и спрос, закупать некоторые товары за наличный расчет. Но все это не могло спасти начинания, порочного в своей основе. В 1834 г. базар закрылся, нераспроданные

товары были проданы с аукциона, а Оуэну пришлось покрыть убыток свыше 2000 ф. ст.

Крах базара показал всю несостоятельность идеи «организации обмена», устранения рыночной анархии при неорганизованном товарном производстве, — идеи, смущавшей многих социальных мыслителей XIX в. Но нужно еще раз напомнить, что Оуэну, в отличие от мелкобуржуазных утопистов, отнюдь не было чуждо понимание невозможности полного устранения зол капиталистического общества путем одной только реформы обмена без одновременного преобразования системы производства. Для него меновой базар не является универсальной панацеей. Для него это — звено в целой цепи организаций, долженствующих в своей совокупности заменить существующую капиталистическую организацию. Не случайно почти одновременно со строительством менового базара Оуэн выступает с широко задуманным хотя и утопическим планом реорганизации производства.

Толчком к возникновению плана послужил бурный рост в Англии этих лет профессиональных рабочих союзов. Пути дальнейшего развития союзов были еще не вполне ясны даже для самих участников движения. Борьба за парламентскую реформу 1832 г. и ее разочаровавшие рабочих результаты немало содействовали росту классового самосознания английского пролетариата. В рабочих союзах, несомненно, существовала тенденция к пре-

вращению в органы классовой борьбы пролетариата. Но, с другой стороны, среди их наиболее активных членов было немало сторонников Оуэна, стремившихся направить развитие союзов по пути мирного кооперативного строительства. Неудивительно, что у Оуэна возникла мысль использовать движение в целях полного преобразования общественной системы, утопическая мечта о котором никогда его не покидала.

Схема нового оуэновского плана очень проста. Рабочие союзы преобразуются в национальные товарищества (*national companies*) или гильдии, которые берут в свои руки соответственные отрасли производства. Профессиональная организация как бы перерастает в кооперативную. Союз товариществ охватывает все производство страны.⁵² Подчинив себе таким образом производство, товарищества одновременно организуют обмен между собой при помощи меновых базаров. Эта кооперативная система строится внутри старой экономической системы, не разрушая ее насильственно. Конечно, представление об обществе как о совокупности специализированных рабочих товариществ во многих отношениях не соответствовало оуэновскому идеалу, и он сам это прекрасно понимал. Оуэн смотрел на товарищества как на этап на пути к последовательному коммунизму. Это не

⁵² «Crisis», т. III, № 15 «All orders shall be taken in, all work given out, all wages paid by, all prices paid to the company».

общинный строй, писал по этому поводу «Crisis», но это большой шаг вперед, к равенству.⁵³

До сих пор, говорил Оуэн во время своей борьбы за «кооперативный план», люди, ничего не производящие, правили миром и относились с презрением к тем, кто производил все богатства общества. Богатые были объединены для защиты своих интересов, а трудящиеся были лишены права объединяться. Люди индустрии, производители богатств и знаний — всего, что есть ценного в обществе, должны соединить свои силы в единой организации, консолидировать свои союзы, чтобы создать мудрый и справедливый порядок человеческого существования. Объединенное «четвертое сословие» будет самым мощным в обществе, ибо что смогут противопоставить ему его противники? Оуэн наивно надеется, что в это объединение войдут и предприниматели, которые поймут, что их интересы — те же, что интересы трудящихся. Это было бы, по мнению Оуэна, наиболее целесообразно. Но, с другой стороны, он знает, что положение часто делает предпринимателей жестокими и кровавыми деспотами. Возможно, что они откажутся создать единый фронт с рабочими. В таком случае рабочие выберут новых руководителей из своей среды. Оуэн считает целесообразной попытку обращения рабочих союзов к парламенту с петицией. Он предупреждает парламент, что

⁵³ «Crisis», № 7—8.

производители богатств и знаний не могут более терпеть существующие порядки, что они могут и должны осуществить переход общества к справедливой системе. Если парламент откажет в удовлетворении петиции, то они осуществят преобразование и без его помощи: для этого им нужно лишь решить производить все для себя и обмениваться между собой через трудовые базары.⁵⁴

Кооперативный план Оуэна был по существу несколько не менее наивным, чем план организации трудовых коммун правительством королевы Виктории. Идея организации производственных товариществ, превращения рабочих союзов в гильдии, естественно, имела наибольший успех в тех отраслях производства, которые не требовали больших капиталов и сложных машин. Не случайно, что оуэновская пропаганда нашла отклики прежде всего в союзе строительных рабочих, организовавших гильдию в 1833 г. Гильдия строительных рабочих, обычно работающих на подрядчиков, могла поставить себе задачей вытеснение этих посредников, установление прямой связи между гильдией и заказчиком. Гораздо труднее представить себе, как могли бы объединившиеся рабочие овладеть производством в таких отраслях, как горное дело, металлургия и т. п., без насильственной ре-

⁵⁴ «Crisis», т. III, № 6, стр. 42—43; № 7—8, стр. 62—63; № 15, стр. 113—117; № 21, стр. 161—162; № 27, стр. 219; № 31, стр. 253 и др

волюции, отнимающей у капиталистов орудия производства. Это было бы возможно лишь при совершенно неправдоподобной пассивности предпринимателей и служащего их интересам государственного аппарата.

Оуэн был исполнен радужных надежд. «Вы можете произвести эту перемену (т. е. переход к кооперативной системе) на благо всего населения Британской империи скорее, чем в пять лет», — писал он строительным рабочим. В 1834 г. рабочими союзами был организован «Великий национальный союз производств» (тред-юнион), который, по мысли Оуэна, должен был осуществить его план ликвидации капитализма и организации нового общества. Но суровая действительность очень скоро развеяла утопические надежды Оуэна. Буржуазия вовсе не проявляла склонности пассивно смотреть на объединение рабочего класса во имя социалистических целей. На организацию гильдии строителей подрядчики ответили рядом локаутов. Союз строителей за отсутствием достаточных фондов не выдержал борьбы и распался, не успев даже проявить себя в качестве гильдии. В «большом тред-юнионе» сразу же после его основания обнаружились внутренние разногласия: многие из его деятелей не разделяли идей Оуэна. Многие организации, вошедшие в Союз, были вовлечены в стачечную борьбу, в Союзе начали приобретать популярность идеи классовой борьбы и всеобщей забастовки. В то же время на руко-

водителей рабочих организаций посыпались правительственные репрессии.

Многочисленные препятствия, вставшие на пути осуществления кооперативного плана, заставили даже Оуэна, при всем отрицательном отношении к классовой борьбе, признать возможность применения, всеобщей забастовки как средства «мирного» воздействия на правящие классы. «Три дня такого бездействия, какое составляет всю их жизнь,— писал он в «Crisis» в связи с преследованием деятелей рабочего движения,— и вы убедите навсегда этих заблуждающихся людей, что вы обладаете достаточной силой, чтобы сразу же сделать их презренными рабами».⁵⁵ Но это выступление в защиту идеи всеобщей забастовки было лебединой песней Оуэна как деятеля рабочего движения. В августе 1834 г. «Великий союз производств» прекратил свое существование, не прожив и года.

Последнее собрание делегатов Союза сочло необходимым отметить в своей резолюции основную причину неудачи этого начинания. Союз, гласила резолюция, встретил со стороны промышленных предпринимателей и богатой части общества, а также со стороны правительства гораздо большее сопротивление, чем предвидели его основатели. По существу это было признанием внутренней порочности всего оуэновского плана.

⁵⁵ «Crisis», т. III, № 31, стр. 249—250.

* * *

В теоретической системе Оуэна, как и в его практических планах, много противоречивого. Наивна и устарела для XIX в. его рационалистическая философия. Непонятной кажется в условиях ожесточенной классовой борьбы 20—40-х годов его непоколебимая вера в возможность мирного преобразования общества. Бесспорно наличие в его учении, как и в других утопических системах, мелкобуржуазных черт. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии» отметил существеннейшие недостатки оуэновского социализма. Это — его терпимость к буржуазии, его «смирный и миролюбивый» характер, «абстрактность» его принципов, непонимание исторического развития, отрицательное отношение к «озлоблению» рабочего класса, т. е. к классовой борьбе, проповедь «филантропии и всеобщей любви».⁵⁶

Оуэновский социализм возник «в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией»;⁵⁷ этим объясняются его характерные черты, делающие из него одну из разновидностей «критически-утопического» социализма. Идеи Оуэна начали проникать в английский рабочий класс в 20-х годах; наибольшей популярности достигли они в начале 30-х годов. Неудача «Великого союза производств» послужила поворотным пунктом в развитии оуэнизма; в дальнейшем пропаганда

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. III, стр. 517.

⁵⁷ Там же, т. V, стр. 510.

оуэнизма никогда уже не имела большого успеха в массах. Мощное классовое движение английского пролетариата, чартизм, отодвинуло оуэновскую утопию на задний план. Подобно всем утопическим системам с развитием реальной классовой борьбы система Оуэна утратила всякое историческое оправдание, а его школа выродилась в реакционную секту.

Тем не менее исторические заслуги Оуэна велики. Наряду с другими великими утопистами он дал яркую и глубокую для своего времени критику капитализма. Сорок лет служил он неустанно интересам рабочего класса, как он их понимал. Сорок лет проповедывал он, хотя и в утопической форме, идеи коммунизма. Он настойчиво и горячо боролся за законодательное ограничение рабочего дня, за охрану труда, за просвещение рабочих масс, за общественное воспитание детей. Он — единственный из великих утопистов — попытался связать, пусть на основе неудовлетворительной теории и потому неудачно, проблему социалистического преобразования с рабочим движением. Оуэн с полным правом занимает одно из первых мест среди тех великих мыслителей и деятелей, которых научный коммунизм считает своими предшественниками.